

СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 90-летию поэта
Игоря Николаевича Григорьева
(13 ноября 2014 г. Санкт-Петербург,
Пушкинский Дом)

Санкт-Петербург

2015

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С48

Слово. Отечество. Вера : материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.)/сост. Н. В. Советная. - СПб., 2015. -216 с.

ISBN 978-5-906782-69-4

Почти через двадцать лет после ухода из жизни поэта Игоря Григорьева о нём заговорили писатели, литературоведы, языковеды, лексикографы, журналисты, с удивлением и восхищением открывая миру истинно русский характер героического человека - партизана, подпольщика, разведчика, фронтовика, самозабвенно любившего родину-Русь и животворное народное Слово, которое у этого мастера заиграло, засияло многочисленными гранями.

Выводы учёных, писателей, общественных деятелей - участников научной конференции «Слово. Отечество. Вера» в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в ноябре 2014 года, изложенные в статьях данного сборника, убедительно подтверждают, что наследие поэта Игоря Григорьева есть достояние русской культуры.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906782-69-4

© Международный институт резервных
возможностей человека, 2015

А. М. Любомудров

«МУЧАЮСЬ БЕДАМИ НАШЕЙ ГОРЕСТНОЙ РОДИНЫ...» РОССИЯ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

«Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины - России...» - признавался поэт одному из своих адресатов.¹ В этой фразе выражена, думается, и суть поэзии И. Григорьева, и характер его творческой личности, и его восприятие России.

Григорьев мастерски владел народным языком, поэтому в его поэзии оживают, искрятся глубокие и богатые смыслы, заложенные в русском слове много веков назад. В его уникальной языковой картине мира выделяются слова с корнем *горе*. Варьируются, перекликаются в его стихах многообразные лексические производные: горечь, горевать, горюниться, горячий, горевой...

Это слово было по-особому близко душе поэта, оно отражало его сокровенные чувства, душевные состояния, окрашивало его поэтическую мысль. Даже в его имени лексема «горе» фонетически проявлена: И-ГОРЬ ГриГОРЬев.² Праславянская основа «гор» не-

¹ Эту строчку обнаружила в архиве поэта и процитировала на вечере памяти И. Григорьева 25 ноября 2013 г. Н. В. Советная.

² Светлана Молева предположила: «Может быть, имя, кото-

ела в себе значения «мука, печаль» и «пламя, жар», она породила глаголы *горевать* и *гореть*.

Это семантическое поле однокоренных слов тесно связано с образом родины, России. Тема родной земли - одна из главных для поэта, а размышления о ее драматической судьбе подчас мучительны и напряженны, поистине *горестны*.

Понятно, что в многочисленных стихах, посвященных памяти о войне, поэт рисует картины страшного и героического времени. Одно из них начинается строкой «Я помню горестную ночь, / Третила адскую работу...».³ Война несла *горе* стране и народу

рое никогда не бывает случайным и в котором трижды отзываются и горе, и горечь, и горячность (но и горение, и горный), настойчиво диктовало ему» (*Молева С. Жестокая дорога - поэзия // Поэт и Воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013. С. 308*).

³ Знакомство со стихотворениями И. Григорьева, опубликованными в двадцати прижизненных и четырех посмертных сборниках, на интернет-сайтах, показывает, что многие из них существуют в разных вариантах. Разнятся лексика, орфография, пунктуация и зависящая от нее интонация стиха. Хорошо знакомый с поэзией своего современника, А. А. Горелов подметил, что, дорабатывая свои стихи, он не всегда улучшал их. Это заметно и в стихах, где присутствует лексема *горе*. Например, стихотворение «Верность», где прежде была строка «в горевальном пути», печатается в издании 2014 года (*Григорьев П. Перед Россией: стихи и проза*) с вариантом «в беспощадном пути»; стихотворение «Я помню горестную ночь...» в некоторых изданиях начинается строкой «Я помню огненную ночь» и т. п. Эти замены явно обедняют стих, изначально народный и многоцветный. Стихотворение «Горемаятная родина» в ряде сетевых публикаций приводится со строками «Да когда же нам напляшется / Во пиру судьбы-тюрьмы?», в печатных изданиях слово «напляшется» заменено на «наплачется». Оба ли варианта - авторские, или один из них - ошибка публикаторов? Ведь во втором варианте («наплачется»)

(«Горестная чаша / Не минула нас» - «22 июня 1941»), и в стихотворении «Память» эта лексема, варьируясь, рождая смысловые оттенки, звучит не раз:

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место.
Невинной польнью заросшее.
<...>
Прохожий, прохожий.
Не стой, выстывая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.
Им выситься долго.
Их горького долга твоё не касается...

И в заключительных словах «Поляна, поляна по-лынная» упомянута трава - символ горечи. А в стихотворении о погибшей разведчице («Последний большак») рождается образ - «горевой цветок России».

Но постепенно образ «горя» входит и в картины современности. Это раздумья о родной деревне, ныне исчезающей. Это тема блудного сына, оставившего отчий край в поисках иллюзорного счастья. Стихотворение «Горькие яблоки» - одно из самых сильных в ранней лирике Григорьева, так же назван и его сборник 1966 года. Эпитет «горькие» означает, конечно, в первую очередь *горестные*. Лирический герой, навещая, изменяется смысл, исчезает горестно-гневное душевное движение автора, теряется связь с последующими строчками: «Неужели не отважиться, / Встав, напомнить: кто есть мы!».

Все это говорит о том, что для подготовки будущих серьезных изданий литературного наследия И. Григорьева необходима тщательная текстологическая работа, изучение создания и правки стихотворений, обоснованный отбор их вариантов и редакций.

щая малую родину, встречает в зарослях старую яблоню и ведет с ней разговор. Запустение, рождающееся от забвения, обжигает душу, и слово *горестный* появляется в первой же строфе:

На доброй пашне, в широкополье.
Олешник вымахал да лоза.
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Поэт питает надежду, что «еще не поздно / Просить прощенья у земли»; эта же покаянная тема развивается и в других стихах:

От деревенщины моей.
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.
<...>
И Русь не та, и сам не тот -
Иные времена!
Но в ворохе золы живет.
Горит моя вина.

Но тема малой родины сопрягается в этом стихотворении с целым миром, со всем белым светом, который сопровождает неожиданный, казалось бы, эпитет:

Прошли немалые года.
Затих кровавый гром.
Чего я только не видал
На свете горевом!

Теперь горьки не только яблоки и пашни. Некую горестную сущность несет в себе все мироздание. Белый свет не только лазурей и безмятежен, - он еще и *горе вой*.

Осмысляя свою судьбу, Григорьев часто определял ее этим или синонимическим словом: «Твоя далёкая дорога / Горька, да горе дарово» («На дороге»), И не только свою, но и судьбу своих современников, целого поколения тех, кто остался верен родине:

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят.
Нас отвергнут от зорь заревых.

(«Дорогие лесные пустыни»)

В этих размышлениях слышатся порой ноты безысходности:

Когда изнеможем, идя напролом,
К мечте не пробьёмся в пути горевом...

(«Когда изнеможем...»)

«Гореванье» - название одного из первых стихотворений Григорьева, написанного в 1941 году. *Гореванием о Руси* можно определенно назвать и всю его зрелую поэзию.

Конечно, его любовь к родине непререкаема: «Ничего душе не надо / Кроме родины и неба» («Вечер»), Но это любовь взыскующая, и Россия-родина не является ни идеалом, ни идолом, она может быть больной и даже безжалостной. В одном из таких стихов, написанных под впечатлением от травли и клеветы, которым подвергся поэт, он с болью констатирует: родина «сыновьям на ласку поскупилась» («Перед Россией»), И становится понятно, насколько выстрадана поэтом любовь к такой родине.

Характерна поэма «Русский урок» (1991) - о роковых судьбах отчизны, о горестях, выпавших на долю русской души:

Невольник святого засилья.
Люблю, хоть не знай и не верь,
Россия, Россия, Россия,
Какой уже нету теперь.

Не сказку-мечту зоревую.
Что в сердце до гроба таим, -
Мне жаль ее ту, горевую.
Нешадную к детям своим.

Страну нещадную - иначе говоря, *беспощадную* к своим сыновьям, поэт не отвергает. Даже такую, жестокую и несправедливую, - жалеет. Александр Блок признавался: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне». Наряду с неоспоримым есенинским влиянием живет в философских стихах Григорьева и традиция Блока, его восприятие России.

К образу родины-матери, вдруг оборачивающейся - страшно представить - *мачехой*, Григорьев возвращался не раз: «А Русь везде, у пня у каждого, - / И злая мачеха и мать» («В селе петушья куролесица...»). Эти пни символизируют в его стихах срубленные под корень, загубленные жизни земляков, к которым родина была «нешадна» и от которых остается лишь «горечь пней».

Горевой, горевальный - поэт нашел эти замечательные слова в псковском говоре, в глубинах языковой памяти народа. Толковые словари русского языка раскрывают спектр значений: «Горевой. 1. Испытывающий горе; несчастный. 2. Преисполненный горя, печали; безрадостный. 3. Неумелый, неспособный».

Сочетание всех этих смыслов и порождает емкий философско-поэтический образ родины.

Составленный А. П. Бесперстых словарь эпитетов Игоря Григорьева иллюстрирует это сложное, объемное восприятие России. С одной стороны, она *весенняя, желанная, нежная, родная, любимая*. С другой - *беспечная, лихая, лютая, нещадная* и даже *чужая*. А понятие «отечество» поэт сопроводил лишь одним эпитетом - *скорбное*.⁴ Ряд негативных определений умножается в стихах поздних, написанных в эпоху перестроечного лихолетья. В эти годы родились у Григорьева бескомпромиссные строки: «В том строю не признавал я многое, / В этом строе отвергаю всё». Он поставил их эпиграфом к стихотворению с простым и всеобъемлющим названием - «Россия». Для поэта оно имеет принципиальный, итоговый характер. Страна предстает в нем находящейся на краю гибели, а может быть, уже перешедшей за этот край. И вода - основа жизни - в этой стране уже *неживая*, то есть - мертвая. Лексема «горе» появляется здесь в составе оксюморона: «Тебе только *горести рады* / В немом подневольном леске». А ключевым становится слово *неволя*:

Неволя, недоля, чужбина -
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Это древнерусское слово, погруженное в контекст стиха: «Не волен размыкать неволю! / Недоля, хоть

⁴ *Бесперстых А. П.* Родина в эпитетах Игоря Григорьева // «Я не мыслю себя без России...» Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. СПб., 2014. С. 148-151.

криком кричи!..» - воскрешает в языковой памяти читателя устойчивое словосочетание «горе мыкать». А оно, в свою очередь, близко другому сочетанию - «горе маять». И по аналогии с производным от первого фразеологизма прилагательным «горемычный» поэт создает замечательный неологизм, вынесенный в название другого стихотворения - «Горемаятная родина»:

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах - болотина.
На болотине - холмы.
Или вера сгнила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется, как плачется:
Плач - под пляску, мать родна!

Стихи позволяют понять, что же имел в виду поэт, когда писал друзьям о «горестной родине». Словари дают три основных значения этого прилагательного: 1. Исполненный горести, печальный, скорбный; 2. Достойный жалости, сожаления; 3. Выражающий глубокую скорбь. И все три смысла неразделимо присутствуют в образе григорьевской России.

И еще один поворот темы горя - религиозно-философский. Поэт ощущает страдание как неотъемлемую часть земного бытия, словно вторя словам Спасителя: «в мире скорбни будете...» (Ии 16:33). И принимает его:

Радость придётся забыть.
Вьюга друзей отпоёт.
Но не устану хранить
Светлое горе моё.

(«Песня»)

В поэме «Двести первая верста» есть своеобразная молитва лирического героя накануне боя, с надеждой - не погибнуть, пожить еще. Но для чего пожить - насладиться красотой мира? земными утехами? - вовсе нет.

Не опоздает никто умереть
На этой горькой земле.
Дозволь подышать, дай погореть.
Погоревать во мгле,
О тихом лете погоревать.
Послушать птичью струну...

Подышать и *погоревать* стремится лирический герой. Та же тема развита в стихотворении «Боль», давшем название одноименному сборнику 1995 года:

Светлый ангел, сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги - темнота!

Горькой доли глоток - не бессмертья
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердия,
Неужель я для смерти воскрес?

Парадокс в том, что для жизни необходим, как живая вода, *глоток горькой доли*. Страдать, мучаться болью своей Родины - это и значит существовать подлинно. Эти страдания давали силы жить и творить плеяде современников-единомышленников Григорьева, среди которых Федор Абрамов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев. Но это и давняя нравственная традиция русской поэзии, русской литературы.

Вспомним пушкинское: «Но не хочу, о други, умирать; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...».

Вот исток, откуда родились эти пронзительные строки Игоря Григорьева: «Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины - России...».